

**Азер Каграман оглы
КАГРАМАНОВ,**
доцент кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
akkagramanov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Между «Каролиной» и «Палестиной»: поиск баланса между правом на самооборону и правом на самоопределение

Аннотация. Научная статья посвящена комплексному анализу одного из наиболее острых противоречий современного международного права — коллизии между правом государства на самооборону и правом народа на самоопределение. Исследование прослеживает эволюцию права на самооборону от классического прецедента «Каролина» (1837 г.), через решение по делу «Никарагуа» (1986 г.), которое ввело строгие атрибуты действий негосударственных акторов государству, вплоть до современного палестино-израильского и других конфликтов в контексте реализации права на самооборону.

В статье доказывается, что длительная израильская оккупация палестинских территорий, признанная незаконной в консультативном заключении Международного Суда ООН 2024 г., создает правовой парадокс: оккупирующая держава не может правомерно ссылаться на самооборону (ст. 51 Устава ООН) на территории, которую она сама контролирует. В то же время право палестинского народа на самоопределение, неоднократно подтвержденное резолюциями ООН, включает в условиях оккупации и право на сопротивление, которое, однако, должно осуществляться в строгих рамках международного гуманитарного права.

Ключевой вывод работы заключается в том, что разрешение этого фундаментального дуализма и достижение устойчивого мира возможны только через прекращение оккупации и полную реализацию права палестинского народа на самоопределение, что является основой для подлинной безопасности для всех сторон конфликта.

Ключевые слова: международное право, право на самоопределение, право на самооборону, запрет на применение силы и угрозы силой, запрет на войну, территориальная целостность, «дело Каролина», палестино-израильский конфликт

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.136.12.064-074

Azer K. KAGRAMANOV,

Associate Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law),

akkagramanov@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Between “Carolina” and “Palestine”: Finding a Balance between the Right to Self-Defense and the Right to Self-Determination

Abstract. *This scientific article provides a comprehensive analysis of one of the most acute contradictions in modern international law — the collision between a state’s right to self-defence and a people’s right to self-determination. The research traces the evolution of the right to self-defence from the classic “Caroline” precedent (1837), which established the criteria of necessity and proportionality, through the “Nicaragua” case (1986), which introduced a strict “effective control” criterion for attributing the actions of non-state actors to a state, up to the contemporary Israeli-Palestinian conflict.*

The article argues that the prolonged Israeli occupation of the Palestinian territories, deemed illegal in the 2024 Advisory Opinion of the International Court of Justice, creates a legal paradox: an occupying power cannot legitimately invoke self-defence (Article 51 of the UN Charter) in a territory it itself controls. Simultaneously, the right of the Palestinian people to self-determination, repeatedly affirmed by UN resolutions, includes, under conditions of occupation, a right to resistance, which, however, must be exercised within the strict framework of international humanitarian law.

The key conclusion of the work is that resolving this fundamental duality and achieving a sustainable peace is only possible through the termination of the occupation and the full realization of the Palestinian people’s right to self-determination, which forms the foundation for genuine security for all parties to the conflict.

Keywords: *international law, right to self-determination, right to self-defense, prohibition of the use of force and threats of force, prohibition of war, territorial integrity, the Caroline case, the Israeli-Palestinian conflict*

Введение. Запрет на применение силы и право на самооборону являются краеугольными камнями международного порядка, установленного после 1945 г. с созданием ООН. Формирование этого запрета стало результатом длительного исторического процесса. С философско-правовой точки зрения дискуссии об ограничении насилия восходят к истокам современной цивилизации, но их прямое влияние на позитивное право стало значительно позднее¹. В сфере позитивного

¹ Фердросс А. Международное право / пер. с нем. ; ред. Г. И. Тункин. М. : Изд-во иностр. лит., 1959.

международного права ключевую роль, как представляется, сыграл опыт Первой мировой войны, который привел мировое сообщество к убежденности в необходимости ограничения права на войну.

Первой серьезной попыткой такого ограничения стал Статут Лиги Наций, который ввел:

- обязательства мирного урегулирования споров (ст. 12);
- требование, чтобы члены Лиги передавали любые серьезные споры в арбитраж, суд или на рассмотрение Совета Лиги; соглашались не прибегать к войне в течение как минимум трех месяцев после вынесения решения или отчета Совета;
- автоматические санкции за агрессию (ст. 16): если член Лиги нарушал запрет и прибегал к войне, это автоматически считалось актом агрессии против всех остальных членов; в ответ члены Лиги должны были немедленно разорвать с государством-агрессором все торговые и финансовые отношения; Совет Лиги был обязан рекомендовать странам-участницам выделить военные контингенты для применения коллективных сил против нарушителя; нарушитель мог быть исключен из Лиги решением Совета.

После неудачных попыток реформировать Статут Лиги Наций для введения более строгого запрета на войну вне рамок Лиги был заключен Парижский пакт 1928 г. (Пакт Бриана — Келлога)². Ключевое нововведение акта состояло в том, что он впервые в истории установил всеобщий запрет на войну как инструмент национальной политики. В отличие от Устава Лиги Наций, который лишь ограничивал право на войну (вводя отсрочки и процедуры), Пакт Бриана — Келлога прямо обязывал государства отказаться от войны и разрешать споры исключительно мирными средствами.

Статья I Пакта предусматривала, что стороны осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях как от орудия национальной политики.

Право на самооборону всегда было исключением из запрета на применение силы. Чтобы это исключение не отменяло само правило, его толкование должно быть узким. Фундаментальное разъяснение условий применения самообороны было дано в деле «Каролина» (*Caroline Case*), и эти принципы остаются актуальными по сей день³.

Исторический контекст дела «Каролина». После войны 1812 г. («Вторая война за независимость») отношения между США и британской колонией Канадой оставались напряженными. Американские власти терпимо относились к действиям групп, поддерживавших канадских повстанцев, которые с американской территории снабжали их оружием и припасами. В 1837 г. британские силы перешли границу, захватили американское судно «Каролина», которое использовалось для помощи повстанцам, подожгли его и пустили по течению Ниагары, в результате чего погибли американские граждане. Свои действия Великобритания

² К 1938 г. к этому пакту присоединились 63 государства — большая часть членов Лиги Наций.

³ Пашина А. Д. Доктрина «самообороны» в современном международном праве // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2011.

объяснила необходимостью самообороны. США в принципе признали право на самооборону, но государственный секретарь США Д. Уэбстер в своей ноте британской стороне сформулировал два ключевых условия, которым должно соответствовать такое действие:

- 1) *необходимость (necessity)*: действие должно быть вызвано немедленной, неотвратимой угрозой, не оставляющей выбора средств и времени для размышлений;
- 2) *соразмерность (proportionality)*: ответ должен быть соразмерным угрозе, без чрезмерных действий («ничего неразумного или чрезмерного»).

Великобритания, по сути, согласилась с этими критериями и принесла извинения за инцидент. Хотя США не приняли британскую трактовку фактов, конфликт был урегулирован. Критерии необходимости и соразмерности, сформулированные государственным секретарем США Д. Уэбстером в ходе инцидента с судном «Каролина», были впоследствии признаны фундаментальными принципами, лежащими в основе права на самооборону в современном международном праве.

Таким образом, необходимость следует рассматривать как последнее средство (*ultima ratio*). Не должно быть никакого разумного мирного альтернативного способа отразить нападение или предотвратить неминуемую атаку. Угроза должна быть «немедленной, неотвратимой и не оставляющей выбора средств или времени для размышлений», как сформулировал Уэбстер. Соразмерность — ограничивает масштаб и интенсивность ответных действий. Сила, применяемая в самообороне, должна быть пропорциональна силе первоначального вооруженного нападения и необходима для его отражения. Цель — прекратить агрессию, а не нанести непреднамеренный или чрезмерный ущерб⁴.

Создание Организации Объединенных Наций в 1945 г. ознаменовало собой финальный шаг в построении сложной системы правил, призванной окончательно устранить угрозу войны. Ключевыми положениями Устава ООН являются следующие:

- статья 2(4) устанавливает общий запрет на применение силы. Все члены ООН должны воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства;
- статья 39 определяет полномочия Совета Безопасности. Он уполномочен констатировать существование угрозы миру, нарушение мира или акт агрессии и принимать решения о необходимых мерах;
- статья 41 регулирует применение мер, не связанных с использованием военной силы (например, экономические санкции, разрыв дипломатических отношений);
- статья 42 разрешает Совету Безопасности предпринимать военные действия (блокады, воздушные, морские или сухопутные операции), если меры по ст. 41 окажутся недостаточными;
- статья 51 закрепляет право на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения на члена ООН. Это право действует до тех пор, пока Совет Безопасности не примет необходимых мер.

⁴ См.: British and Foreign State Paper 1840—1841. Цит. по: AJIL. 2003. С. 572.

Действия, предпринятые в порядке самообороны, должны немедленно сообщаться Совету Безопасности.

Однако при детальном рассмотрении эта, казалось бы, целостная система вызывает множество сложных вопросов. Хотя они давно являются предметом интенсивных дискуссий, окончательные ответы на них так и не найдены, и некоторые из этих проблем приобрели особую актуальность в последнее время. Ключевые проблемы заключаются в монополии на применение силы, сосредоточенные в Совете Безопасности, и определении четких границ права на самооборону как исключения из общего запрета.

Проблема «порога»: вооруженное нападение и применение силы. Статья 51 Устава ООН позволяет применять право на самооборону только в случае «вооруженного нападения» — это высокий порог. Статья 2(4) Устава запрещает любое применение силы в международных отношениях, даже в малых масштабах. При этом система коллективной безопасности ООН, где Совет Безопасности может действовать при любом применении силы (гл. VII), зачастую работает неэффективно, так как меры Совбеза применяются в исключительных случаях и должны получить согласие всех участников. Это порождает вопрос: не является ли ограничение самообороны только случаями «вооруженного нападения» слишком строгим, создавая опасную лазейку, когда государство — жертва меньшей агрессии не может себя защитить?

В этой связи представляет интерес особое мнение судьи Международного Суда ООН Б. Симмы по делу «Никарагуа против США»⁵, который критикует строгую трактовку ст. 51. Он утверждает, что существующая практика создает неверное впечатление, что если враждебные действия (например, нападение на отдельное судно) не дотягивают до масштабов «вооруженного нападения», то жертва не имеет права на ответные военные меры. Б. Симма предлагает различать: полномасштабную самооборону (ст. 51) против «вооруженного нападения», допускающую в том числе коллективную оборону, и ответные оборонительные меры против актов применения силы меньшего масштаба. Такие меры должны быть строго ограничены принципами необходимости, соразмерности и немедленности и не дают права на коллективную самооборону⁶.

Краткое резюме дела «Никарагуа против США» (1986). Суть спора: Никарагуа обвиняет США в нарушении международного права путем:

- поддержки антиправительственных повстанцев («контрас»);
- прямых военных действий (минирование территориальных вод, вторжение в воздушное пространство).

Позиция США заключалась в том, что Суд не имеет юрисдикции, а действия США являются законной *коллективной самообороной* по просьбе соседних стран (Сальвадора, Гондураса, Коста-Рики) против агрессии Никарагуа.

⁵ См.: Nicaragua v United States of America — Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua — Judgment of 27 June 1986 — Merits — Judgments [1986] ICJ 1 ; ICJ Reports 1986, p 14 ; [1986] ICJ Rep 14 (27 June 1986) // URL: <http://www.worldlii.org/int/cases/icj/1986/1.html> (дата обращения: 25.09.2025).

⁶ OïC Platforms, ICJ Reports 2003.

Ключевые выводы Международного Суда ООН:

- 1) **Нарушения со стороны США:** Суд установил, что США нарушили международное право, а именно:
 - принцип **невмешательства** во внутренние дела государства;
 - принцип **неприменения силы**;
 - принцип **суверенитета** Никарагуа.
- 2) **Отказ в праве на коллективную самооборону:** Суд отклонил аргумент США о самообороне, так как:
 - не было доказано, что соседние страны обращались за помощью;
 - даже если бы Никарагуа были совершены действия против этих стран, это не давало бы **третьей стороне (США)** права на военное вмешательство.
- 3) **Критерий «эффективного контроля».** Суд ввел важный правовой стандарт: для того чтобы действия негосударственной группы (например, «контрас») могли быть присвоены государству, необходимо доказать, что это государство осуществляло **фактический контроль над конкретными операциями** группы, а не просто оказывало ей общую поддержку.
- 4) **Решение:** Суд обязал США прекратить все незаконные действия и выплатить Никарагуа репарации за причиненный ущерб.

Решение по делу «Никарагуа» стало важнейшим прецедентом в международном праве, четко разграничив применение силы и право на самооборону, а также установив строгие критерии для определения ответственности государства за действия негосударственных вооруженных групп.

Дело, связанное с танкером *Sea Isle City*, которое было рассмотрено в Международном Суде ООН в рамках дела «Нефтяные платформы» (Иран против США)⁷, в контексте рассматриваемой проблемы нельзя обойти стороной. Инцидент с *Sea Isle City* произошел во время «**Танкерной войны**» — этапа Ирано-иракской войны, когда обе стороны атаковали нефтяные танкеры в Персидском заливе. **16 октября 1987 г.** танкер *Sea Isle City*, подконтрольный Кувейту, но плавающий под американским флагом, был поражен ракетой возле гавани Кувейта. В качестве ответной меры (**Операция *Nimble Archer***) 19 октября 1987 г. ВМС США атаковали и разрушили две иранские морские нефтяные платформы в комплексе «Решадат». Иран подал в суд на США, утверждая, что разрушение платформ нарушило ст. X Договора 1955 г., гарантирующую «**свободу торговли**» между территориями двух стран.

США оправдывали свои действия тем, что представляют собой *самооборону* (ст. 51 Устава ООН) и меры, необходимые для защиты их существенных интересов безопасности в соответствии со ст. XX Договора 1955 г.⁸ Суд вынес смешанное решение:

- 1) **Нарушение права на использование силы:** Суд большинством голосов (14 против 2) постановил, что атаки США **не могут быть оправданы как самооборона** и являются неправомерным использованием силы. Суд

⁷ International Court of Justice. Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America) (дата обращения: 12.12.2006).

⁸ URL: <https://www.asil.org/insights/volume/8/issue/25/world-court-finds-us-attacks-iranian-oil-platforms-1987-1988-were-not> (дата обращения: 02.10.2025).

счел, что США не представили убедительных доказательств того, что атака на *Sea Isle City* или подрыв фрегата *Samuel B. Roberts* (апрель 1988) с достаточной определенностью можно было приписать Ирану, чтобы это квалифицировалось как «вооруженное нападение», дающее право на самооборону. Ответ США также не соответствовал критериям **необходимости и соразмерности**;

- 2) **Отсутствие нарушения Договора 1955 г.:** Однако Суд также постановил, что, хотя разрушение платформ и являлось противоправным использованием силы, оно **не нарушило статью X Договора о дружбе**. Суд установил, что на момент атак не велась прямая торговля нефтью между территориями Ирана и США (из-за американского эмбарго), поэтому действия США не затронули «свободу торговли между территориями» сторон, как того требует Договор.

Терроризм, самооборона и самоопределение

Неоднозначным в практике государств и международных отношений является вопрос о применении права на самооборону против атак негосударственных акторов (например, террористических групп), который стал особенно актуален после терактов 11 сентября 2001 г. и атаки ХАМАС на Израиль в октябре 2023 г.

- 1) Резолюции СБ ООН 1368⁹ и 1373¹⁰, осуждающие нападение террористических групп на США, прямо «признают» и «вновь подтверждают» неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону. Это было истолковано как молчаливое признание со стороны Совета Безопасности того, что масштабная террористическая атака, совершенная негосударственным актором, может приравниваться к «вооруженному нападению», дающему право на самооборону по статье 51 Устава ООН. Указанный пример стал важным прецедентом в адаптации классического международного права к современным угрозам.

Между тем проблема потенциальной угрозы государственному суверенитету, исходящей от частных лиц, существует в международном праве гораздо раньше. Международный суд сослался на следующий аргумент в упомянутом выше деле «Никарагуа против США»: «Можно считать согласованным, что вооруженное нападение следует понимать как не только действия регулярных вооруженных сил через международную границу, но и “отправку государством или от его имени вооруженных групп, группировок, иррегулярных формирований или наемников, которые совершают акты насилия которая равносильна” (среди прочего) фактическому вооруженному нападению, совершенному регулярными силами».

В связи с действиями США в ответ на теракты 11.09.2001 можно сделать следующие выводы.

⁹ Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1368 (2001), принятая на его 4370-м заседании 12.09.2001. S/RES/1368 (2001).

¹⁰ Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1373 (2001), принятая на его 4385-м заседании 28.09.2001. S/RES/1373 (2001).

Частные лица (включая террористов) *не являются самостоятельными субъектами* международного права. Поэтому прямое применение против них права на *самооборону* (которое по своей сути означает «государство против государства») создает правовой парадокс: признание за террористическими группами некоего подобия международной правосубъектности. Даже если бы такое право было признано, его реализация столкнулась бы с трудностями в части *государственного суверенитета*: применить военную силу против террористов на территории другого государства — значит нарушить его суверенитет и императивный принцип о запрете применения силы. В этой связи вторжение США в Афганистан и Ирак, основанием которого послужила «война с терроризмом» в соответствии с принятой Резолюцией о применении военной силы, оформленное Палатой представителей США и Сенатом США, вызвало бурные протесты и критику со стороны международного сообщества.

Таким образом, в современных условиях международное право исходит из следующих подходов:

- а) основная ответственность возлагается на **государство, на чьей территории находятся террористы**, в случае, если это государство само организует атаки или поддерживает террористов (критерий эффективного контроля по делу «Никарагуа»). В таком случае жертва атаки имеет полное право на самооборону **против этого государства-спонсора** при условии установления факта эффективного контроля;
- б) если связь между террористами и государством-убежищем **неясна или отсутствует** (государство просто не способно действовать), международное право в его нынешнем виде встает на защиту **суверенитета** этого государства. Требования пострадавшего государства защитить себя уступают принципу неприкосновенности границ.

2. Наибольший интерес в свете рассматриваемой проблематики представляет палестино-израильский конфликт. В отечественной доктрине международного права выделяют две наиболее общие причины научной актуальности указанной проблемы: конфликт является, во-первых, отражением основных проблем международного сообщества и права в послевоенный период, демонстрируя текущее состояние мирового порядка; во-вторых, сам становится моделью для этого порядка, оказывая влияние на формирование и развитие таких институтов, как право наций на самоопределение, право на самооборону и международное гуманитарное право¹¹.

Процесс развития конфликта характеризовался следующими ключевыми событиями:

- Шестидневная война (1967 г.) и Война Судного дня (1973 г.) завершились военными победами Израиля и оккупацией им Синай, сектора Газа, Западного берега и Голанских высот. Мирное урегулирование было закреплено в резолюциях СБ ООН № 242 и № 338, а также в мирных договорах с Египтом (1979 г.) и Иорданией (1994 г.);

¹¹ Толстых В. Л., Кудинов А. С. Конфликт между Палестиной и Израилем: динамика международно-правовой квалификации // Закон. 2024. № 1.

- соглашения в Осло (1993—1995 гг.) предусматривали создание Палестинской национальной администрации и переход к пятилетним переговорам о постоянном статусе Палестины, однако мирный процесс был сорван;
- 2004 г. — Международный Суд ООН признал строительство Израилем разделительной стены на оккупированных территориях нарушением международного права;
- 2005 г. — «одностороннее размежевание»: вывод израильских войск из сектора Газа;
- 2006 г. — приход к власти в секторе Газа движения ХАМАС;
- 2007 г. — введение Израилем блокады сектора Газа;
- 2012 г. — предоставление Палестине статуса государства-наблюдателя при ООН;
- 2020 г. — нормализация отношений между Израилем, ОАЭ и Бахрейном;
- 2023 г. — масштабное вторжение боевиков ХАМАС в Израиль;
- 2023 г. — по настоящее время — «Война железных мечей», военная операция Израиля в секторе Газа;
- 2024 г. — Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно правовых последствий политики и действий Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и незаконности продолжающегося присутствия Израиля на оккупированной палестинской территории.

Несмотря на то что в заключении Международного Суда ООН 2024 г. прямо не рассматривается и не оспаривается право Израиля на самооборону в контексте текущих военных столкновений (таких как война с ХАМАС, начавшаяся в октябре 2023 г.), Суд затрагивает эту тему косвенно, давая общую правовую оценку всей израильской оккупации. Приведем ключевые моменты, имеющие отношение к праву на самооборону.

Суд установил, что присутствие Израиля на палестинских территориях является незаконной оккупацией. Это фундаментальный вывод, который ставит под сомнение правовую основу для применения ст. 51 Устава ООН (право на самооборону) на этих территориях, поскольку право на самооборону по данной статье действует против другого государства. Палестинские же территории не принадлежат другому государству, а находятся под незаконной оккупацией, Израиль не может ссылаться на самооборону против территории, которую он сам оккупирует. В своем заключении Суд отмечает, что Израиль часто оправдывает свои действия, включая строительство поселений и барьера, соображениями безопасности и необходимостью самообороны.

В этой связи Суд пришел к выводу, что данные меры являются непропорциональными, нарушают право палестинского народа на самоопределение, не могут служить оправданием для продолжающейся оккупации. Суд постановил, что все государства обязаны не признавать незаконную ситуацию, сложившуюся в результате оккупации, не оказывать Израилю помощи или содействия в поддержании этой ситуации.

Заключение Суда подрывает правовые основания для применения Израилем ст. 51 Устава ООН на оккупированных территориях. На них ссылаются сторонники концепции «качественной пропорциональности», согласно которой законная

самооборона может выходить за рамки простого отражения текущей атаки. Она включает любые необходимые действия для достижения законных целей защищающейся стороны, таких как предотвращение будущих атак и обеспечение долгосрочной безопасности государства¹².

Таким образом, заключение Суда усилило правовую позицию Палестины в международных институтах и создало прецедент для будущих решений по вопросам самообороны и реализации права на самоопределение.

Немалый интерес в рамках исследуемой проблемы представляет в том числе и позиция государств, признавших независимость Палестины в качестве суверенного государства. Так, в заявлении о признании от 21.09.2025 указано, что Австралия, наряду с Канадой и Соединенным Королевством, подтверждают законные и давние стремления народа Палестины на самоопределение и создание собственного государства. При этом подчеркивается, что организация ХАМАС не должна играть никакой роли в Палестине¹³.

Указанный акт укрепляет позиции сторонников конститутивной формы признания, постулирует право народа Палестины на самоопределение и создание независимого государства, а также в контексте права на самооборону устанавливает ответственность ХАМАС за действия по захвату заложников в результате вооруженного нападения на израильские поселения 07.10.2023.

Заключение

Ключевой вывод статьи заключается в выявлении фундаментального дуализма современного миропорядка: система основана на двух столпах: праве государств на самооборону и праве народов на самоопределение, которые на практике часто вступают в противоречие. Самооборона является правом государства и регламентируется строгими условиями необходимости и соразмерности, уходящими корнями в дело «Каролина». Самоопределение — это право народа свободно определять свой политический статус. В условиях оккупации и колониального господства международное право признает законность борьбы за освобождение «всеми доступными средствами, включая вооруженную борьбу».

Что касается эволюции применения права на самооборону, то правовые рамки самообороны, сформулированные в деле «Каролина», продолжают развиваться, сталкиваясь с новыми вызовами. Критерии необходимости (неминуемая, неотвратимая угроза) и соразмерности (адекватный ответ) были инкорпорированы в современное международное право и подтверждены Международным Судом ООН. Ключевой сложностью является применение права на самооборону против вооруженных групп, таких как ХАМАС, а не против другого государства. Согласно позиции Международного Суда, для этого необходимо доказать, что группа действует под «эффективным контролем» иностранного государства.

¹² См.: Nolte G. Multipurpose Self-Defence, Proportionality Disoriented: A Response to David Kretzmer // *European Journal of International Law*. 2013. Vol. 24. No. 1. P. 283—290.

¹³ См.: Déclaration du premier ministre Carney sur la reconnaissance de l'État de Palestine par le Canada | Premier ministre du Canada // URL: <https://share.google/y3cfvc2yfeysuydt> (дата обращения: 01.10.2025).

Центральным аргументом в споре вокруг Палестины является тезис о том, что оккупирующая держава не может ссылаться на самооборону на той территории, которую она сама оккупирует. Международный Суд в своих заключениях 2004 и 2024 гг. подтвердил, что Израиль является оккупирующей державой, что ставит под сомнение правомерность ссылок на статью 51 Устава ООН в отношении Газы. В то время как Израиль обосновывает свои действия правом на самооборону, палестинская сторона апеллирует к праву на самоопределение и сопротивление оккупации.

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН подтверждают законность борьбы народов за освобождение от иностранной оккупации и колониального господства. Важно отметить, что право на сопротивление, как и право на самооборону, не отменяет обязательств сторон соблюдать нормы международного гуманитарного права, включая защиту гражданского населения. Поиск баланса между правом на самооборону и правом на самоопределение в контексте палестино-израильского конфликта приводит к следующим выводам:

- действия оккупирующей державы на контролируемой ею территории регулируются нормами права вооруженных конфликтов и оккупации, а не правом на самооборону против другого государства. Следовательно, единственным законным способом для Израиля обеспечить свою безопасность является прекращение незаконной оккупации и уважение права палестинцев на самоопределение;
- хотя право палестинского народа на сопротивление оккупации признано на международном уровне, его реализация, включая вооруженные методы, должна строго соответствовать нормам международного гуманитарного права;
- и здесь существует тупик двойных стандартов: кризис является прямым следствием игнорирования и неприменения существующих норм международного права. Разрешение конфликта требует не создания новых правил, а последовательной имплементации существующих, включая прекращение оккупации и реализацию права палестинского народа на самоопределение, что является фундаментом для подлинной и долгосрочной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Пашина А. Д.* Доктрина «самообороны» в современном международном праве // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 26 декабря 2011 г. : в 2 ч. / Центр развития науч. сотрудничества ; под общ. ред. С. С. Чернова. — Новосибирск, 2011.
2. *Толстых В. Л., Кудинов А. С.* Конфликт между Палестиной и Израилем: динамика международно-правовой квалификации // Закон. — 2024. — № 1.
3. *Фердросс А.* Международное право / пер. с нем. ; ред. Г. И. Тункин. — М. : Изд-во иностр. лит., 1959.
4. *Nolte G.* Multipurpose Self-Defence, Proportionality Disoriented: A Response to David Kretzmer // European Journal of International Law. — 2013. — Vol. 24. — No. 1. — P. 283—290.